

Дети войны

70-летию Великой Победы посвящается...

Никто не забыт, ничто не забыто!

Варламкина Алевтина Борисовна

Я родилась 22 июня 1934 года в городе Серпухове. Нас у родителей было восемь детей: пять родных и трое приёмных.

Когда началась война, я пошла в первый класс. Что мне нравилось в школе: мы каждое утро на школьном дворе все делали зарядку, проверяли у нас чистоту рук и ушей, бегать на перемене не разрешалось, а только ходили спокойно.

Папа, так как был уже немолод, и мама были на трудовом фронте. Отец заготавливал дрова в Новинках, я ему помогала, возила на лошадях брёвна, готовила папе еду. Я пахала на лошади: садилась верхом, бороновала.

На Окском мосту делали песочную насыпь.

Старший брат был на фронте, вернулся без ноги. Старшая сестра Оля работала медсестрой в госпитале. Я очень ею горжусь! Мы жили в своём доме, помню, как бомбили нас, тогда ложились на пол.

А потом отец построил рядом с домом землянку, у нас вся крыша была худая от пуль, как решето, но мы все целы и невредимы.

*Была обыкновенная
Она ещё вчера.
Теперь сестра военная,
Военная сестра.*

~ З. Александрова ~

Один раз мы, дети, задержали диверсанта: подошёл дяденька с корзинкой, спросил, как пройти к железнодорожному мосту, мы показали, а потом рассказали военным, оказалось, что это шпион хотел взорвать мост.

Всё время хотелось есть, ели картошку, квашеную капусту. В 1943 году, когда немцев отогнали от города, нам детям давали на каникулы хлеб и финики. -

А играли в лапту, прятки, догонялки, игрушек не было.

Трудное было время, но все выжили!

Чернова Ольга Наумовна

Когда началась война, нам с сестрой-двойняшкой шел четвертый год. Мы еще не понимали, что все так страшно было, но хорошо я помню, как наша мама спускалась в погреб вместе с нами, там был сделан топчан, типа кровати, и на нем лежала перина, на которую мама нас сажала. Это было тогда, когда немцы с самолетов сбрасывали осветительные бомбы и освещали все дома и улицы.

Кроме нас с сестрой было еще двое, сестра двенадцати лет и брат восьми лет. Они в погреб не спускались, не боялись.

Серпухов не сильно бомбили, и в войну особо голода мы не знали. Ходили в детский сад, что на улице Химиков, тогда он назывался детский сад на Новоткацкой, так как рядом была фабрика, где работали ткачихи.

Без слез я сейчас не могу это вспоминать, потому что все самое страшное было впереди.

Мама работала на фабрике «Красный текстильщик» ткачихой. Из детского сада нас забирала бабушка, у которой было три сына, которых она проводила на фронт. Анатолий – 1916 года рождения, Николай – 1919 года рождения и Борис – 1912 года рождения. Без вести пропал Борис Никитович. Анатолий Никитович был ранен в висок, лишился одного глаза, вернулся с войны в 1946 году, а Николай Никитович был матросом, служил во время блокады Ленинграда, вернулся с фронта в 1947 году.

Во время наступления на дер. Васильевка Орловской области 23 июля 1943 г. тов. Степанов проявил исключительное бесстрашие, отвагу и героизм. Доказал свою преданность матери-Родине, тов. Сталину, в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, как истинный патриот Социалистического отечества...

...В этом бою тов. Степанов пал смертью храбрых. Он своим бесстрашием и отвагой обеспечил освобождение населенных пунктов Васильевка и Марьевка.

Достоин высокой правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза.

~ Из наградного листа на О.Н.Степанова ~

Самое страшное горе, которое нам предстояло пережить – смерть нашего двоюродного брата Олега Николаевича Степанова 1924 года рождения. Он окончил Подольское училище курсантов и старшим лейтенантом ушел на фронт. Он погиб в 1943 году как герой. Бросился грудью на пулемет, чтобы дать возможность пройти подразделению, чтобы освободить деревню.

Позже его мама Степанова Мария Николаевна перевезла гроб с его прахом сюда, в Серпухов. Сейчас он покоится на Соборной горе. Сейчас улица, на которой стоял наш дом, где мы все жили и жил Олег Степанов, носит его имя. Улица Олега Степанова.

Всем нам было тяжело в войну, трудно, голодно, но мы выжили! И дождались Дня Победы!

Неборак Евгения Михайловна

Я родилась 27 сентября 1937 года в деревне Сквородка Ленинградской области. У мамы нас было четверо детей.

Немцы оккупировали деревню через две недели после начала войны, сразу сожгли четыре дома и наш, в том числе, мы успели вылезти в окно. Мама выпустила корову из хлева.

осколком снаряда. Игрушек не было. Тяжёлое было время!

Фашисты повесили молодого мужчину для устрашения населения. Всех молодых девчонок и ребят угнали в Германию. Помню, немцы стояли у нас в деревне, карательный отряд. Фашисты брали у нас всё что хотели, и днём, и ночью. Было очень страшно!

Женщины работали в поле, каратели их охраняли. Нас, детей, немцы заставляли собирать ягоды и грибы, но сами в лес не заходили, боялись партизан.

Особо нас не трогали, когда стояли, а когда стали отступать убивали всех подряд. Мы ночью ушли на хутора, жили в сарае – тридцать человек, в землянках. Приходили к нам партизаны, мой дядя был партизаном, фашисты его поймали, долго пытали, а потом расстреляли.

Был бой, раненых перевязывали в нашем сарае, а мы ушли в землянку.

Хлеб ходили печь в деревню, когда немцы уезжали. Когда в очередной раз пошли, то неожиданно в деревню приехали на мотоциклах немцы, взяли в плен тётю, брата Фёдора и сестру Зою, закрыли их в сарае, а ночью немец, который охранял, их выпустил.

Вот было радости, когда они вернулись!

Немцы ходили по лесам и расстреливали, мы прятались под ёлкой, было очень страшно, ракеты пускали, мама дальше в лесу прятала корову.

Когда немцы отступали, то сожгли всю нашу деревню.

Играли мы в то время в мячик, в прятки, но кричать было нельзя. В 1944 году нас освободили, теперь нам детям сказали: «Можете кричать!» Мы все так кричали.

Женщины стали пленных бить, а офицер сказал: «Вы люди, а не звери, не уподобляйтесь им!»

После освобождения осталось много мин, мой двоюродный брат подорвался на mine. Дед Павел с нами играл, шутил, говорит: «Идите, там по ручью плывут игрушки». Сидим, ждём, а игрушек нет. Играли: венки плели, черепки собирали и играли.

*При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспах вырытой могиле
Лежит убитая сестра.*

~ С. Маршак ~

Пащенко Лидия Ивановна

Часто была сирена. Нас с сестрой брали и несли в бомбоубежище, которое было в конце огорода. Со слов мамы, один раз бомба попала в Урицкую спальню, что стоит и по сей день на Северной площади.

Все время хотелось есть, просила нацедить молочка у своей тети, так как она кормила грудью мою двоюродную сестру. Хлеб давали по карточкам, которые очень берегли, за хлебом приходилось стоять ночью в очереди взрослым, нас тоже водили днем в очередь за хлебом.

Дети постарше ходили на поля, собирали мерзлый картофель, но объездчик на лошади гнал детей с полей.

Народ был очень дружный, все помогали друг другу, следили за соседскими детьми.

Очень хорошо помню, как пленные немцы копали кювет вдоль Московского шоссе. Весь инвентарь складывали у нас во дворе. Они были вечно холодные и голодные, все время просили: «матка, дай хлеба», но его у нас не было. Тогда они делали нам игрушки, «человечков-на-нитках», а мы им приносили по картошечке.

В конце огородов за нашими домами стоял сарай, где дед делал гробы для немцев, которых захоранивали на Занарском кладбище.

В 1945 году было много раненых солдат, госпиталь находился в четырехэтажном доме на Московском шоссе.

*Я майора обнимаю,
Ничего не понимаю:
– Вы на папу не похожи!
Посмотрите – он моложе! –
Вынул я портрет из шкапа –
Посмотрите – вот мой папа!
Он смеется надо мной...*

~ А. Барто ~

Мы не помним своих отцов, так как были маленькие. Когда мой отец вернулся с войны, я даже не хотела его признавать, так как не знала его совсем, он ушел на фронт в 1941 году, мне был всего один год.

Во время войны все боялись встречи с почтальоном, так как получали извещения о гибели близких людей, у меня погиб дядя, хотя ему было всего двадцать лет.

Во время ожесточенных боев мама ходила на установку противотанковых сооружений, чтобы не дать немцам дорогу на Москву.

Потом мы жили в деревне на Тарусской станции, где скрывались от бомбежек.

Мыть нас было нечем, если и был маленький кусочек мыла, то в одном корыте мыли всех детей подряд. Было очень голодно, но в деревне не было таких страшных бомбежек. В доме жили три семьи с детьми у дедушкиной сестры. Детей было пять человек.

А когда закончилась война, жизнь стала налаживаться.

Похоронка дяди хранится у меня до сих пор, хотела разыскать его захоронение, но ответа не получила. Пал от прямого попадания бомбы под Ржевом.

*Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребёнок –
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы –
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.*

~ С. Маршак ~

Сиротов Виктор Дмитриевич

Я родился через две недели после начала войны.

Ничего о тех днях я не помню. А вот мамка рассказывала, как зимой начали вдруг бомбить немцы с самолетов. И они с сестрой закутали меня потеплее, положили на санки и побежали через лес в церковь, там было бомбоубежище. Прибежали, глядь, а меня нет на санках. Побежали обратно в лес меня искать. Нашли, я не успел замерзнуть. И спасли.

Потом я помню, как в деревне играли мы с мальчишками в войну, палками. Боролись за своих вроде как. А так еще в догонялки играли, в прятки. Не было у нас игрушек.

И еще мужиков в селе осталось очень мало, мамка сказала: «на фронт ушли, сынок». И старшие ребята за мужиков дрова рубили, пасли скот, работали, а мы, мелкие, помогать пытались чем могли.

Помню, как вели по деревне военнопленных, а мы им картошку кидали, потому что они есть просили. Голодные были, тощие. Мы тоже голодные были, но мамка сказала, что пожалеть их нужно, люди ведь они, как мы. Мы потому и кидали.

А самое мое главное воспоминание военных дней – это когда по радио объявили День победы. И все радовались, и смеялись, и плакали, и танцевали, а дети прыгали и кричали. И я прыгал и кричал.

В классе очень холодно, на перо дышу,
Отпускаю голову и пишу, пишу.
Первое склонение – женский род на «а»,
Сразу, без сомнения, вывожу – «война».

~ Л. Миланич ~

Сальникова Валентина Степановна

Я родилась в городе Серпухове в 1932 году, проживала в районе Бумажной Фабрики.

В нашей семье было трое детей, я самая старшая, поэтому мне приходилось смотреть за младшими. Отца в армию не взяли, у него было большое сердце, и он очень сильно переживал по этому поводу, и потому работал за троих без отдыха.

Когда началась война, мне было 9 лет, училась в школе № 11 на Краеком Текстильщике. Очень часто во время занятий нам приходилось срыватьсь и бежать в подвал, там мы пряталась от бомбёжек, мы очень быстро научились различать по гулу самолёта, будут сейчас бомбить или уже скинули бомбы. Когда самолёт груженный бомбами, он очень сильно гудел, и гул было слышно издалека.

Когда мы были дома, при бомбёжке мама всегда нам кричала, чтобы мы бежали и пряталась на поле среди подеолнухов. А потом мы пряталась возле печей, дома были развалены, а печки стояли, как ни в чём не бывало.

Желуды сильно бомбили сталинские дома, наверное, «имя Сталина» даже в названии дома их пугало.

А к зиме отец выкопал землянку, и мы пряталась там. Было очень голодно, ели в основном суп из крапивы и лебеды, хлеба давали очень мало. Военной мы ходили на поля, выкапывали мёрзлую картошку и, если находили, делали из нее «кавардашки», и для нас это был праздник.

Игрушки мы шили из тряпок, ребята из палок делали винтовки, и мы играли в войну, мы все так хотели поскорее нашей, чтобы война быстрее закончилась, особенно те дети, кто помнил мирное небо и безоблачное детство.

Что ещё мне особенно врезалось в память, это как шли пленные, они шли длинными колоннами, и часто, особенно проехтые солдаты, проеили хлеба, конечно, кто-то из людей и давал что-нибудь, но это было не часто, так как ели мы было есть нечего. Без того выживали кто как мог.

День Победы был для нас самым долгожданным днём, казалось, что радости нашей не будет конца, вот вроде бы слёзы они и есть слёзы, а нет – слёзы радости, счастья, это совсем другое, чем слёзы горя, и мы так рано научились это различать.

*От голода не мог и плакать громко,
Ты этого не помнишь ничего,
Подоживым нашли тебя в обломках...*

*И кто-то крикнул: «Девочки, возьмите!»
И кто-то поднял бережно с земли.
Вложили в руку хлеба чёрствый ломтик...*

~ И.Ринк ~

Улина Тамара Степановна

Я родилась в 1935 году.

Во время войны проживала на Урале. К нам немцы не проходили, но зато к нам привозили всех эвакуированных со всей родины. В то время у нас был сильный голод. Люди сильно голодали. Привозили детей со всех сторон, которые остались без родителей, их было очень много. Они были сильно истощены, оборванные, раненые, голодные. Их поместили в барак, где ничего не было. Жители приносили им еду, одежду, у кого что было. Но дети все равно умирали от голода. Мы часто видели, как повозка, покрытая черным полотном, вывозила их на кладбище, и там их просто зарывали в общую могилу.

Мы очень голодали. Как только наступила весна и стаял снег, мы шли на пашни и собирали там мерзлую картошку. Потом в мае собирали конский щавель. А летом ели всякую траву, какую можно было есть. Особый голод был в 1942-1943 годах.

Отец и брат были на фронте, а сестра работала в госпитале. Мы о них ничего не знали. В 1944 году вернулась сестра, она была вся обмороженная. Мама лечила ее чем могла. В 1944 году домой вернулся и отец, весь израненный, больной. А брат погиб на войне в 1942 году.

Когда, наконец, закончилась война нам стало полегче.

Часовникова Любовь Николаевна

Синеглазая девчонка
Девяти неполных лет...
Льётся песня нежно, звонко
На больничный белый цвет.

И под звуков переливы
Чьи-то братья и отцы
Вспоминают дом счастливый,
Прсят спеть ещё бойцы.

«Я спую, – в ответ девчонка, –
Низко голову склонив,
– Вот, пришла нам похоронка...
Но я верю: папа жив!»

~ Л. Шмидт ~

*Пусть седина твоя святая
Напомнит людям лишь о том,
Как ты в тылу, моя родная,
Салюта приближала гром.
Морщины оставляют след...
Смахнешь слезу свою украдкой.
Горька судьба военных лет.*

~ Э. Гроздова ~

Морозова Мария Семеновна

Я родилась в 1935 году. Нас у мамы было три сестры – 1928, 1935, 1939 года рождения. Брат у нас тоже был. Он был тяжело ранен в начале войны и остался инвалидом, очень долго в госпитале находился, пока не вернулся домой.

Помню первую встречу с немцами. Я очень хорошо помню, когда они появились. Я сидела на лавке-скамейке, такая у нас была. Где были старшие, не помню. А младшая Аня была у мамы на руках. Все сидели в напряжении. И вот открывается дверь – и они входят. Младшая Аня как заплачет-заорет. И осталась заикой. Стала заикаться, потом полегче стало, получше, но все равно заикается и по сегодня.

Что было потом, толком не помню. Они забрали всех кур. Ушли. А потом приходили другие и забирали все, что было. Все забирали.

В городе говорили: окна в школе бьют, значит, отступают немцы. Такой звон и треск стоял.

Все было – и хорошее, и плохое.

Дети были детьми, нам было все любопытно. Нас, детей, было много в селе. Мы собирались все вместе, играли, в лапту, в догонялки, как выходило, в то и играли. Это было летом в затишье. Играли в прятки. Истории всякие выдумывали во время игр, скотину пасли и там тоже всякое сочиняли. Игрушек тогда толком не было.

А зимой... лыж не было. Нам родители разбивали бочку на досочки, к ним прибивали ремни – это у нас были лыжи. Были самодельные санки тоже. Зимой обливали корзины плетеные водой, они замерзали, и мы на них катались с горки.

Родителям, конечно, помогали, пасли скотину, какая осталась, траву на корм собирали. Все делали, что мама велит.

Праздники тоже отмечали. Мама нас старалась чем удивить, что-то в дом принести, выменять, купить, когда получалось, и чем-то угостить. Новый год тоже отмечали, папа даже приносил елку какую-никакую из леса, ночью за ней ходил, не разрешалось рубить. Утром проснемся – елка стоит. Мы ее скорей наряжать. Игрушек не было, вешали, что было. Бумажки, фантики, палочки, ленточки, шишки. Пошла, помню, в гости к подружке, а у них на елке сушки висят. Мне стало завидно, и ее мама подарила мне четыре сушки. Я сразу домой побежала, вешать. Такая довольная была.

Кукол нам мама шила сама, ножки и ручки из палочек, все остальное из тряпочек, кукол делала, котиков разных. Вот так играли.

А когда погнали немцев, уже было не до чего, бежали, сломя голову из деревни в овраги или просто в поле. Страшно очень было всем. Один раз такого страху натерпелись – бежали все через лес в соседнюю деревню, мамка младшую на руках несла, а нам кричала: «Девки, держитесь все за мою юбку, не отставайте». Нас в той деревне приютили, а когда мы домой вернулись, там пусто все было и разрушено. Ничего не было. Мама наша так плакала, а мы стояли возле нее ничего не понимали, но тоже плакали. Когда немцы отступали, они страшно бомбили, все бомбили без разбору. Молодого парня расстреляли немцы, он вышел на дорогу и тут его... Похоронили мы его в огороде, до сих пор там оградка стоит, на могилке мальчика того.

Тяжело было всем, вспоминать это страшно...

Но я с большой любовью и гордостью вспоминаю свою маму. Она нас спасла от этой чумы. Защищала, берегла. Воспитала, приучила к труду. Мы выросли все нормальными людьми. Спасибо мамочке моей за это!

Гусева Надежда Федоровна

22 июня 1941 года началась война. Что это такое мы не понимали, дети были. Узнали, что это такое, сразу повзрослели.

Самолеты летели на Москву, зенитки по ним били, тревога гудела, и мы уходили в подвал нашего дома.

Взрослые днем копали окопы, траншеи.

В сентябре 1941 года в школах начали принимать раненых с фронта. Мы стали навещать их. Цветы, книги приносили им. За что от них получали благодарность. Дружба с ними продолжалась недолго. К празднику Октября был большой налет, и бомбили на поселке «Сталина». Напротив нашего дома в четырехэтажный дом попала бомба, и с крыши до первого этажа вся секция обрушилась. Мы вынуждены были уйти, связь с ранеными была потеряна. В 1942 году с сентября начали учиться. Стали нас привлекать на работу в поля совхоза, летом полоть, осенью убирать урожай. А нас за это кормили обедом.

*Была зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.*

*И нас большая Родина хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.*

*Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.*

~ Р. Рождественский ~

В 1943-1944 годах нас стали привлекать на вывозку дров из леса, сажали нас на платформы, и паровоз нас катил от станции «Лесная» до места. Взрослые нами уложенные дрова отправляли на предприятия для отопления. Все предприятия работали под девизом: «Все для фронта, все для победы!»

Зимой в школе проводили соревнования на лыжах, летом играли в лапту, мяч.

Вот так мы проводили дни до 9 мая 1945 года, до Победы.

День Победы мы, дети, тоже приближали, как могли.